

КЛАССИКА XX

О, если любишь ты меня,
Женись, не ведая сомненья,
Любовь не хочет ждать ни дня,
Она умрет от промедленья*.

Роберт Херрик

* Перевод В. Лунина. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

ТЕПЛОЕ ВИНО

Этот пляж на перенаселенном побережье Коннектикута был мало кому известен — к нему ведет узкая асфальтовая дорога с непонятными развилками, зигзагами и поворотами, которую поддерживают лишь в относительно приличном состоянии. У большинства неясных поворотов потрескавшиеся деревянные стрелки с длинным, индейским названием указывают дорогу к пляжу, но некоторые из них упали в траву, и, когда наша пара впервые решила здесь встретиться, — а было это идиллическим, не по сезону мягким мартовским днем, — Джерри сбился с пути и опоздал на полчаса.

Сегодня Салли опять приехала раньше него. Он задержался: купил бутылку вина, потом — безуспешно — пытался найти штопор. Ее темно-стальной «сааб» стоял одиноко в дальнем конце площадки для машин. Джерри мягко подвел к нему свой автомобиль — старый «меркурий» со складным верхом — в надежде, что Салли сидит, дожидаясь его, за рулем и слушает радио: у него в машине как раз зазвучал Рэй Чарльз, исполнявший «Рожденные для утрат».

Мечты всегда, всегда
Мне приносили только боль...

Она оживала перед ним в этой песне — в голове у него уже сложились слова, которыми он окликнет ее и предложит перейти к нему в машину, чтобы вместе послушать: «Эй! Привет! Иди скорей сюда — клевые записи дают!» Он привык разговаривать с ней, как мальчишка с девчонкой, перемежая хипповый жаргон телячьим сюсюканьем. Песни по радио обретали для него новый смысл, если он слушал их, когда ехал к ней на свидание. Ему хотелось слушать их вместе с нею, но они редко приезжали в одной машине, и по мере того как той весной неделя сменяла неделю, песни, словно майские жуки, умирали в полете.

Ее «сааб» стоял пустой, Салли поблизости не было. Наверно, она в дюнах. По форме пляж был необычный: дуга гладкого намытого океаном песка тянулась на добрых полмили между нагромождениями больших, в желтых потеках, камней; вверх от ближайшей груды камней уходили дюны — чахлая трава и извилистые дорожки отделяли друг от друга сотни песчаных лоскутов, словно комнаты в огромном, созданном природой отеле. Это царство гребней и впадин было обманчиво запутанным. Им ни разу еще не удалось найти то место — то идеальное место, где они были в прошлый раз.

Джерри быстро полез вверх по крутой дюне, не желая терять время и останавливаться, чтобы снять туфли и носки. Он задыхался, поднимаясь бегом в гору, и это казалось таким чудесным — будто вернулась юность, вернулась жажда жизни. С тех пор как начался их роман, он всегда спешил, бежал, выгадывал время там, где прежде этого не требовалось, — он стал атлетом, обгонявшим часовую стрелку, выкраивавшим то тут, то там час-другой, из которых складывалась небывалая и неведомая

вторая жизнь. Он бросил курить: ему не хотелось, чтобы его поцелуи отдавали табаком.

Он выскочил на гребень дюн и испугался: Салли нигде не было. Вообще никого не было. Помимо их двух машин, на просторной стоянке виднелось еще штук десять — не больше. А через какой-нибудь месяц здесь будет полно народу: забитый досками дом (бар-раздевалка) оживет, наполненный загорелыми людьми и грохотом механической музыки, в дюнах станет невыносимо жарко, необитабельно. Сегодня же дюны еще хранили оставшуюся после зимы первозданность природы, не тронутой человеком. Когда Салли окликнула его, звук прилетел к нему по прохладному воздуху, словно крик птицы: «Джерри?» Это был вопрос, хотя если она видела его, то не могла не знать, что это он. «Джерри? Эй?»

Повернувшись, он обнаружил ее на одной из дюн, что высилась над ним, — она осторожно шла в желтом бикини, глядя вниз, чтобы не наколоть босые ноги о жесткую траву; светловолосая, стройная, вся в веснушках, она казалась сейчас стыдливой девой песков, скрывавших ее от него. На вид плечи и грудь у нее были жаркие, а впадина спины — прохладная. Наверно, лежала на солнце. Ее широкоскулое, с заостренным подбородком лицо покраснелось.

— Эй! Как я рада, что ты приехал?! — Она слегка задыхалась, возбужденный голос ее звенел, и каждая фраза звучала вопросительно. — Жду тебя здесь, в дюнах, а вокруг носится орда диких полуголых мальчишек, мне стало так страшно?!

Мгновенно отбросив хипповые выражения, точно он стремился обойти нечто непередаваемое, смущающее, Джерри подчеркнуто вежливо сказал:

— Храбрая ты моя бедняжка. Каким опасностям я тебя подвергаю. Извини, что опоздал. Слу-

шай. Мне ведь надо было купить вина, потом я пытался купить штопор, а эти абсолютные кретины, эти типы в занюханной деревенской лавчонке — их бы только Норману Рокуэллу* рисовать — пытались всучить мне вместо штопора коловорот.

— Коловорот?

— Ну да. Это как скоба с ручкой, только без скобы.

— Тебе, видно, совсем не жарко.

— Ты же лежишь на солнце. Ты где?

— Здесь, наверху?! Иди сюда.

Прежде чем последовать ее призыву, Джерри присел, снял туфли и носки. Он был в городской одежде — в пиджаке и при галстукe — и нес бумажный пакет с бутылкой вина, словно дачник, возвращающийся домой с подарком. Салли расстелила свое красное с желтым клетчатое одеяло во впадине, где не было ничьих следов — лишь ее собственные. Джерри поискал глазами мальчишек и обнаружил их на некотором расстоянии в дюнах — они настороженно наблюдали за молодой парой, не поворачивая головы, точно чайки. А он бесстрашно, не таясь, посмотрел на них и прошептал Салли:

— Они же совсем щенки и, похоже, невредные. Но может, ты хочешь уйти подальше в дюны?

Он почувствовал, как она кивнула у его плеча, кивнула, будто сказала, как одна лишь она могла сказать, по-особому, быстро и резко дернув головой: «Да, да, да, да»; он ловил себя на том, что нередко, когда Салли и близко не было, подражал этой ее манере. Он поднял ее одеяло, и ее плетеную сумку, и ее книгу (роман Моравиа) и положил на ее теплые руки. Шагая рядом с нею вверх по склону

* Норман Рокуэлл — американский художник и иллюстратор, прославившийся своими зарисовками мальчишек.

соседней дюны, он обнял ее обнаженный торс, желая поддержать, и повернулся, проверяя, видели ли мальчишки этот жест собственника. Но они, удивившись, уже с воплями неслись в другом направлении.

Как всегда, Джерри и Салли долго бродили по дюнам — вниз по извилистым дорожкам меж колючих кустов восковицы, вверх по гладким склонам, смеясь от усталости, выискивая идеальное место — то самое, где они были в прошлый раз. И, как всегда, не могли его найти; под конец они разложили одеяло в первой попавшейся ложбинке с чистым песком и тотчас сочли это место изумительным.

Джерри встал перед ней в позу и устроил стриптиз. Сбросил пиджак, галстук, рубашку, брюки.

— О, — сказала она, — на тебе уже купальные трусы.

— Я проходил в них все это чертово утро, — сказал он, — и всякий раз, чувствуя, как резинка впивается в живот, думал: «А я увижу Салли. И она увидит меня сразу в купальных трусах».

С наслаждением впивая воздух каждой клеточкой своего тела, он огляделся: они были скрыты от чужих глаз, сами же могли видеть стоянку для машин внизу, и застывший рукав моря, крепко зажатый между здешним берегом и Лонг-Айлендом, и сверкающие гребешки пены, спешащие к берегу и разбивающиеся о полосатые скалы.

— Эй?! — послышалось с одеяла. — Не хочешь навесить меня в своих купальных трусах?

Да, да — почувствовать друг друга кожей, всей длиной тела, на воздухе, под солнцем. От солнца под опущенными веками Джерри поплыли красные круги; бок и плечо Салли нагрелись, рот постепенно таял. Они не спешили — это и было, пожалуй, самым весомым доказательством того, что они,

Джерри и Салли, мужчина и женщина, были созданы друг для друга, — они не спешили, они стремились не столько распалиться, сколько успокоиться один в другом. Его тело постепенно заполняло ее, прилаживалось, приспособлялось. Ее волосы — прядь за прядью — падали ему на лицо. Чувство покоя, ощущение, что они достигли долгожданного апогея, наполняло его, словно он погружался в сон.

— Непостижимо, — сказал он. И повернул лицо вверх, чтобы вобрать в себя еще и солнце: под веками все стало красным.

Она заговорила, уткнувшись губами в его шею, где была прохладная, хрустящая от песчинок тень. Он чувствовал песок, хотя песчинки скрипели на зубах Салли.

— А ведь стоит того — вот что самое удивительное, — сказала она. — Стоит того, чтобы ждать, преодолевать препятствия, лгать, спешить; наступает эта минута, и ты понимаешь, что все стоит того. — Голос ее, постепенно замирая, звучал тише и тише.

Он сделал попытку открыть глаза и ничего не увидел, кроме плотной идеальной округлости чуть поменьше луны.

— А ты не думаешь о той боли, которую мы причиним? — спросил он, снова крепко сжав веки, накрыв ими пульсирующее фиолетовое эхо.

Ее неподвижное тело вздрогнуло, словно он плеснул кислотой. Ноги, прижатые к его ногам, приподнялись.

— Эй?! — сказала она. — А как насчет вина? Оно ведь согреется. — Она выкатилась из его рук, села, откинула волосы с лица, поморгала, сбросила языком песчинки с губ. — Я захватила бумажные стаканчики: не сомневалась, что ты о них и не вспомнишь. — Это крошечное проявление предвидения

в отношении своей собственности вызвало улыбку на ее влажных губах.

— Угу, ведь и штопора у меня тоже нет. Вообще, леди, не знаю, что у меня есть.

— У тебя есть ты. И это куда больше, чем все, что имею я.

— Нет, нет, у тебя есть я. — Он заволновался, засуетился, пополз на коленях туда, где лежали его сложенные вещи, извлек из бумажного пакета бутылку. Вино было розовое. — Теперь надо выбрать место, где ее разбить.

— Вон там торчит скала.

— Думаешь? А если эта хреновина раздавится у меня в руке? — Внезапная неуверенность в себе пробудила привычку к жаргону.

— А ты поосторожнее, — сказала она. Он постучал горлышком бутылки о выступ бурого, в потеках, камня — никакого результата. Постучал еще, чуть сильнее — стекло солидно звякнуло, и он почувствовал, что краснеет. «Да ну же, дружище, — взмолился он про себя, — ломай шею».

Он решительно взмахнул бутылкой — брызги осколков сверкнули, прежде чем он услышал звук разбиваемого стекла; изумленный взор его погрузился сквозь ощерившееся острыми пиками отверстие в море покачивающегося вина, заключенное в маленьком глубоком цилиндре. Она подползла к нему на коленях и воскликнула: «У-у!», несколько пораженная, как и он, этим вдруг обнажившимся вином — зрелищем кровавой плоти в лишенной девственности бутылке. И добавила:

— С виду оно отличное.

— А где стаканчики?

— К черту стаканчики. — Она взяла у него бутылку и, ловко приладившись к зазубренному отверстию, запрокинула голову и начала пить. Серд-

це у него на секунду замерло от ощущения опасности, но, когда она опустила бутылку, лицо у нее было довольное и ничуть не пораненное. — Да, — сказала она. — Вот так у него нет привкуса бумаги. Чистое вино.

— Жаль, что оно теплое, — сказал он.

— Нет, — сказала она. — Теплое вино приятно.

— Очевидно, по принципу: лучше такое, чем никакого.

— Я сказала приятно, Джерри. Почему ты мне никогда не веришь?

— Слушай. Я только и делаю, что верю тебе. — Он взял бутылку и так же, как она, стал пить; когда он запрокинул голову, красное солнце смешалось с красным вином.

Она воскликнула:

— Ты порежешь себе нос!

Он опустил бутылку и, прищурясь, посмотрел на Салли. И сказал про вино:

— От него покачивает.

Она улыбнулась и сказала:

— Вот тебя и качнуло. — Она дотронулась до его переносицы и показала алое пятнышко крови на своем белом пальце. — Теперь, — сказала она, — встреться с тобой в обычных условиях, я всегда буду замечать этот порез у тебя на носу; и только я буду знать, откуда он.

Они вернулись на одеяло и дальше уже пили из стаканчиков. Потом они пили вино друг у друга изо рта, потом он капнул немножко ей на пупок и слизнул. Через какое-то время он застенчиво спросил ее:

— Ты меня хочешь?

— Да?! Очень, очень?! Всегда?! — Опять эта ее интонация, все превращавшая в вопросы.

— Никого кругом нет, нас тут не увидят.

— Тогда быстрее?!